

Воронина О.А.

Архаическое, традиционное и инновационное в гендерном сознании//Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. М., ИФ РАН, 2010. с. 65-71.

Постановка вопроса о соотношении архаического, традиционного и инновационного в российском самосознании представляется несколько неожиданной только на первый взгляд. На самом деле эта тема чрезвычайно актуальна для понимания социальных и культурных процессов, которые протекают в современной России. Вместе с тем, с методологической точки анализ данной проблемы весьма непросто. Дело в том, что понятие архаики применяется обычно в отношении прошлых времен и обществ, а при исследовании современности используется понятие традиции. Нередко оба понятия употребляются как близкие, едва ли не синонимы. Однако между ними есть значительные различия. Для понимания соотношения и взаимодействия архаики, традиции и модернизации я в данной статье буду опираться на методологический подход, предложенный В.Костюком, поскольку именно эта концепция помогла мне понять, почему советская гендерная модернизация не состоялась.

Традиции – это устойчивые культурные нормы и социальные структуры, которые выполняют конструктивную функцию регулирования человеческого поведения, передаются от поколения к поколению и тем самым обеспечивают преемственность социальной и духовной жизни общества. В отличие от этого *архаическое* не кристаллизуется в рациональных социальных формах, но «живет» на уровне подсознания. Наиболее выражено архаическое проявляется в пограничных ситуациях, в иррациональной мотивации, в спонтанных, внекультурных движениях человеческого духа. «Если традиция является транслируемым культурным текстом, то архаика – культурным подтекстом, не формализуемым и не

вербализируемым в культуре»¹. Обычно архаика связывается с древними, примитивными формами психической и социальной жизни. Но она не исчезает с развитием и усложнением культуры общества, а просто уходит в тень, становясь редуцированным элементом традиции. Архаические слои сознания и простые формы восприятия жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, затеняются более развитыми формами. Традиция – защита против хаоса в индивидуальном сознании, противостоящая деструктивному давлению хаоса подсознания.

В классической европейской модели развития модернизация общества базируется на традиции, не отменяя ее революционно, а постепенно реформируя общество. Поэтому традиции в обществе модерна существуют не тысячелетия, как прежде, а лишь поколения. И хотя традиционные и модернизационные векторы иногда сталкиваются, в целом традиции модернизируются, приспосабливаются к новым феноменам социальной жизни. Таким образом, общественное развитие происходит как процесс постоянной и плавной смены социальных и культурных форм. Однако иногда эта идеальная модель не срабатывает, и на фоне или вместо модернизации возникают архаические формы сознания и поведения.

Промышленная и техническая модернизация России была начата петровскими реформами, но и тогда, и впоследствии оставались нетронутыми базовые структуры архаического общества: аграрная экономика, преобладание крестьянства среди населения, подавляющая личность форма религии, абсолютистская власть.

Немного изменилось и после революции 1917 г., которую К.Костюк называет «архаической революцией»². Как известно, целью социалистической революции выступало построение «общества будущего» и создания «нового» человека, свободных от эксплуатации. Все предыдущее развитие человечества называлось предысторией, поэтому проблема сохранения или реформирования традиций вообще не стояла. «Весь мир до основанья мы разрушим...». Методами построения нового

общества выступали классовая борьба, искоренение чуждых элементов, тотальное подчинение всех диктатуре пролетариат. Иными словами, модернизация общества должна была происходить при использовании архаических способов – агрессии, репрессивности, установлении нового абсолютизма, подчинение личности социуму (общине).

Брачно-семейные отношения были едва ли не первым объектом модернизации в советской России. Здесь в самом буквальном смысле были в одночасье отброшены культурные традиции, и проведены массовые правовые реформы. Многовековая традиция единоличной и абсолютной власти мужчины в патриархатной семье была не модифицирована, не преодолена, а только на уровне официальной идеологии задвинута на уровень «предыстории», а на уровне индивида – в подсознание. Происшедшие в 1920-х годах легитимация свободных гражданских союзов и права женщины на аборт тонкой пленкой легли поверх разрушенной традиции и дали свободу росту архаики – «коммун», беспорядочным и безответственным связям, детской беспризорности и проч. Разумеется, через некоторое время государство-патриарх вынуждено было изменить столь резкий курс модернизации и вводить ряд антимодернизационных мер, возвращаясь к некоторым традиционным социальным механизмам. Так, были введены запреты на аборт и развод; гражданские браки утратили равный статус с зарегистрированными и проч. Однако возвращение к некоторым традиционным социальным и культурным нормам вовсе не означало и не могло означать возвращения к порушенным традициям. Несколько поколений советских людей жили и продолжают жить вне принятых всем обществом культурных традиций, руководствуясь этническими или семейными традициями.

Последовавшие после распада СССР социально-экономические и политические реформы также имели целью модернизацию страны – уже с иных позиций. Мы не можем здесь останавливаться на анализе этих реформ, тем более, что он дан в многочисленных публикациях. Однако

необходимо только кратко отметить, что в 1990-е годы опять был разрушен до основания весь предыдущий мир, а с ним – и вся система ценностей (не только «советских»). Слом культурных традиций, социальных норм, политический и моральный релятивизм тех лет открыли дорогу архаическим формам сознания (религия, магия, оккультизм, предрассудки) и поведения (агрессия, насилие, ксенофобия).

Переходя к рассмотрению современной ситуации в области гендерных отношений и гендерного сознания, необходимо отметить смешение архаических, традиционных и модернизационных компонентов. Я не берусь в данной статье проанализировать этот сложный феномен, а могу только попытаться описать наличное положение дел.

Как уже было отмечено выше, спецификой российской модернизации был «революционный» слом традиций и массивное внедрение новых норм, ценностей, структур для построения общества будущего. Однако таким способом было создано только новое тоталитарное государство. Традиция отступила из сферы культуры и социальных структур в сферу индивидуальных представлений. При этом неизменным остался уровень мифологического сознания, предрассудков, суеверий, моделей индивидуального поведения. На примере гендерного сознания мы видим и сегодня, что 70 лет советской и 20 лет постсоветской (демократической) модернизации так и не изменили архаических убеждений в незыблемости половых различий³. Базовые модели маскулинности и феминности в России до сих пор носят отчетливые черты архаики: это воин и мать соответственно. Такие архетипы могут дополняться другими, не выходящими за рамки архаики: мужчина – сильный пол, защитник, добытчик (так и хочется спросить чего?); женщина – слабый пол, предназначенный для семейного и сексуального употребления. Эти предрассудки настолько очевидно представлены в сознании наших людей (как мужчин, так и женщин), в СМИ, массовой культуре и проч., что я даже не буду приводить доказательств. Тем более,

что и в моих статьях, и в статьях других авторов это представлено достаточно убедительно.

Глубоко устаревшим мне представляется сохранение обязательного гражданского долга мужчин – службы в армии, как и самой регулярной армии с ее сугубо патриархатной структурой дедовщины, воспроизводящей самые архаические формы поведения – агрессию и подавление младших/слабых. В связи с этим увеличение численности гражданских лиц, работающих по контракту в силовых ведомствах, в том числе и женщин, представляется оправданной и позитивной инновацией, способной видоизменить архаическую природу этих ведомств.

В последние годы в России усиливаются агрессия и насилие, сознательно эксплуатируемые ТВ и массовым кинобизнесом, и захлестнувшие улицы, семьи, души людей. Посмотрите на статистику: 30-35 тыс. людей ежегодно погибают в ДТП, в том числе при участии дорогих и технически совершенных автомобилей. Человеческий фактор! 15 тыс. женщин погибает ежегодно вследствие избиения мужьями и сожителями. Растет насилие в отношении детей – физическое и сексуальное, в том числе в семьях, детских домах, садах, школах. Рост насилия и агрессии связан с тем, что таким образом компенсируется отсутствие или недостаток культурных и социальных механизмов управления социумом. Чем слабее культура, тем больше насилия. Из глубины архаики выплыли торговля людьми, в том числе сексуальная торговля. Демократическое государство РФ торгует оружием, то есть средствами убийства людей. Просто новое варварство! Экономика РФ держится на добыче и продаже сырьевых ресурсов страны, и про «инновации» в экономике мы слышим только по ТВ.

Что касается традиций в сфере гендерных отношений и гендерного сознания, то революционный слом традиций, разнообразные модернизационные и антимодернизационные действия государства не могли не привести к диффузии общепринятых норм брачно-семейных

отношений. Так, на протяжении XX века в России люди все-таки в массе своей придерживались традиции вступления в брак, рождения детей и их воспитания. Конечно, эта традиция тоже модернизировалась по сравнению с XIX веком. Пожизненный брак сменился серийной или последовательной моногамией вследствие либерализации развода; сократилась численность детей в семье; изменилась структура семейных ролей и распределение семейных обязанностей. Однако сейчас к этим традиционным формам брачно-семейных отношений присоединяются инновационные: более распространенными среди молодых становятся гражданский брак, свободное сожителство, неполные семьи, сознательно выбираемое женщинами одинокое родительство, однополые гражданские браки. Значительно сократилась рождаемость (и это при том, что для большинства женщин базовая личностная идентичность по-прежнему связана с ролью матери), что является чертой общества модерна, а не традиции. В то же время отказ от детей после рождения – это скорее признак архаического сознания и поведения.

СМИ, массовая культура и реклама как двигатель торговли пытаются возродить традицию буржуазной семьи: неработающая ухоженная домохозяйка с прислугой при богатом муже-бизнесмене (временный вариант – молодая красивая содержанка при состоятельном господине). Однако для возрождения и укоренения этой традиции в России нет ни экономических, ни психологических оснований.

Вместе с тем далеко не все исследователи склонны считать изменение отношения к браку и семье «кризисом семьи». Они полагают, что более свободные, партнерские отношения в сфере интимных и межличностных отношений мужчин и женщин дают больше возможностей для личностного роста, развития и самореализации человека. Замена нравственной догмы патриархатной крестьянской семьи «человек для семьи» на современную – «семья для человека» делает брачно-семейные отношения более свободными и индивидуализированными.

К числу позитивных модернизационных (инновационных) изменений в гендерной системе следует отнести несколько феноменов. Прежде всего я имею в виду расширение экономических, гражданско-правовых, социальных прав и возможностей женщин. При этом я, как и многие другие исследователи, не склонны считать эмансипацию женщин главной причиной ослабления семейных ценностей. Эти процессы имеют под собой объективные социально-экономические и культурные основания, хотя нельзя отрицать и их взаимосвязанность. Однако, как показали многие исследователи, основную роль в снижении семейных ценностей играла отнюдь не модернизация роли женщин в обществе⁴.

Инновационными, хотя практически и не осмысленными феноменами являются применение таких репродуктивных технологий, как суррогатное материнство, оплодотворение in-vitro, селективное рождение ребенка или абортирование плода в зависимости от пола зародыша.

На примере одного из сегментов жизни мы показали, что для современной России характерны смешение архаических, традиционных и модернизационных (инновационных) феноменов. Причем в этой триаде традиция играет менее значимую роль, и таким образом столкновение архаических и современных представлений оказывается особенно травматичным. Отсюда – очевидное распространение предрассудков, суеверий, элементов мифологического сознания, обращение к мистике и магии, астрологии и прочей хиромантии. Причем нередко это даже маскируется псевдонаучными объяснениями. Предпринимаемые попытки преодоления этой ситуации посредством возрождения советских или досоветских традиций по вполне понятным и описанным выше причинам не дали ожидаемых результатов. Столь же плачевно выглядит и инициатива властей по возрождению религиозной традиции в качестве средства духовного возрождения нации. И дело не только в том, что традиция верования уничтожена еще в поколении наших дедушек. Но и в том, что православная церковь сама глубоко архаична, ее доктрина

нуждается в модернизации. Наблюдаемый сегодня рост обращения россиян к церкви приводит не к возрождению традиции, а к новому витку возрождения архаики в виде суеверий и демонстративно исполняемых ритуалов.

Модернизация сознания возможна только при поддержке и развитии прав человека, развитии гуманистических ценностей и снятия государственного контроля за деятельностью гражданского общества.

¹ Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре. Источник: www.nir.ru

² Костюк К. Архаика и модерн в российской культуре. Источник: www.spasi.ru

³ Воронина О. Феминизм и гендерное равенство. – М.: УРСС, 2004.

⁴ Демографическая модернизация России: 1900-2000. Под ред. А.Вишневого. М.: Новое издательство. 2006.